ОГЛАНЫ (УЛАНЫ) В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – XVI ВЕКА: ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА

Впервые в историографии предпринята попытка установить статус огланов (уланов) и его изменение в России во второй половине XV – XVI в. Всего по различным источникам за рассматриваемый период удалось выявить 18 огланов: 17 мужчин и одну дочь оглана. При этом подавляющее большинство из них оказались тем или иным образом связаны с г. Касимов и проживавшими в нем служилыми Чингисидами. Был сделан вывод о том, что огланов следует относить к Чингисидам. Скорее всего они происходили из тех ветвей рода, которые не могли претендовать на трон в Дешт-и-Кипчаке рассматриваемого периода. Причины этого кроются в победе династического принципа наследования над родовым. В Москве, как, впрочем, и в Крыму, отмечено постепенное падение роли огланов. Если на начальном этапе они мало отличались по своему положению от служилых татарских царевичей, то в конце XVI в. они отмечаются только как члены дворов выезжих Чингисидов. Хотя об их высоком положении продолжали помнить.

Ключевые слова: Чингисиды, огланы, Русское государство XV–XVI вв., Крым, Казань, Касимов, служилые татары.

Начиная со второй половины XV в. различными путями на временную или постоянную службу в Москву прибывает большое количество мусульманских выходцев той или иной степени знатности. Среди них мы можем наблюдать Чингисидов [Беляков, 2011а], ногайских и крымских мирз [Трепавлов, 2003], черкасских князей [Озова, 2011], а также многочисленных лиц неустановленного происхождения. Особую группу составляли огланы (уланы – в русских источниках). Для того чтобы разобраться с их статусом, следует отметить все известные нам случаи их службы в России. При этом для удобства разместим все упоминания в хронологической последовательности.

Первый улан в Московской Руси – Облаз (Обляз) – отмечен в «Казанской истории» под 1480 г. Он назван огланом «царя (?) городецкого» Нур-Даулета. Автор «Казанской истории» утверждает, что во время стояния на р. Угра князь Василий Ноздроватый Зве-

нигородский и крымский царь¹ Нур-Даулет посылались «водою» на «Большую Золотую Орду» [ПСРЛ, 2000. Т. 19. Стб. 8, 202]. «Казанская история» является более чем специфическим памятником, ей далеко не всегда можно доверять, но в данном случае мы склонны верить ей. Другой вопрос, когда произошел упомянутый поход. В разрядах отмечено, что в августе 1501 г. Иван III послал на Большую Орду казанского царя Мухаммед-Эмина с князем Василием Ивановичем Ноздроватым [Разрядная книга..., 1966. С. 32; Разрядная книга..., 1977а. С. 68]. Нетрудно заметить одинаковые имена воевод, участвовавших в предполагаемых кампаниях 1480 и 1501 гг. против Большой Орды. Мы вправе предположить, что один из этих случаев – ошибка. Скорее всего поход следует отнести к 1501 г., тем более, что Нур-Даулет стал городецким (касимовским) царем только около 1486 г. Иные сведения об Облазе улане отсутствуют.

¹ Здесь и далее служилых Чингисидов, поступивших на службу к великому князю (царю) Московскому, мы будем называть «царями» и «царевичами». Представители рода, проживавшие за пределами Руси, будут отмечаться как «ханы» и «султаны». Их жены в соответствии от места проживания титулуются как «царицы» или «ханши».

В 1487 г. из Казани в Москву выехал Бахтияр улан [Сб. РИО, 1884. Т. 41. С. 64–65]. Где он проживал в России, неизвестно. В сентябре 1508 г. крымский хан Менгли-Гирей просил отпустить к нему сына Ду-улат-Берди (Даулет-Берды) улана – Бахтияр улана, который уже давно находился в России [Сб. РИО, 1895. Т. 95. С. 26]. Между этими упоминаниями лежит 21 год. Поэтому речь, по нашему мнению, надо вести о двух разных людях. Хотя нельзя исключать и того, что в источниках говорится об одном и том же человеке.

В 1493 г. в головах у мецкерских казаков (людей касимовского царя Нур-Даулета) отмечен улан Курчь-булат. До этого он проживал в Крыму [Сб. РИО, 1884. Т. 41. С. 50, 52, 53, 57, 176].

В 1502–1504 гг. в Москве в плену находился некий Мамышек улан, брат Абагы улана, взятый в плен вместе с астраханцами людьми московского князя. Крымский хан Менгли-Гирей утверждал, что это его человек и просил отпустить его к себе [Там же. С. 446–447, 461, 491, 532].

В 1504 г. в Крым должны были отправить «кость» Нур-Даулета, а также жену и детей покойного князя Ямадыка и младшего брата Берди улана Али улана [Там же. С. 545]. Али улан входил в состав двора касимовского царевича Сатылгана, а до этого, по-видимому, числился во дворе его отца, царя Нур-Даулета.

В разрядных книгах в записях, датированных июлем 1528 г., встречается упоминание Япанчи (Еланчи) улана. Тогда он вместе с казанским царем Шах-Али б. Шейх-Аулиаром и его братом, касимовским царевичем Джан-Али б. Шейх-Аулеаром, находился в Вязме «от литовские украины». По данным разрядных книг, в приставах у царя был Федор Семенов сын Воронцов, а у царевичей – Андрей Клеопин Кутузов и Борис Ступишин. Поскольку по другим источникам нами не зафиксированы случаи, когда бы у одного Чингисида значилось более одного пристава [Беляков, 2011а. С. 165–216], мы имеем все основания предположить, что Б. Ступишин являлся приставом Япанчи улана [Разрядная книга..., 1966. С. 72; Разрядная книга..., 1977б. С. 205–206].

Весной-летом 1536 г. военный отряд служилых татар во главе с мирзой Галдеем городецким пленил шедшего из Казани «в иные орды» со многими людьми Тебенка

улана и с ним 14 чел. Двадцать третьего июня улана доставили в Москву [ПСРЛ, 2000. Т. 13. С. 113].

В середине 40-х гг. XVI в. в результате борьбы части казанской знати против хана Сафа-Гирея в Московскую Русь из Казани отъехал Аз-Берди оглан [Моисеев, 2013. С. 27; Посольские книги..., 1995. С. 294, 320].

Летом 1551 г. вятчане на Каме пленили группу из 46 казанских «уланов и князей» (крымского происхождения?). По именам нам известны двое: Кошак оглан и Барболсун оглан [ПСРЛ, 2005. Т. 20. С. 483]. И. В. Зайцев, комментируя эти события, пишет о четырех огланах. Он ошибочно причисляет к ним. Торчи князя богатыря и Ишмухамеда Сулешова брата Крымского [2013. С. 147]. Все они в конечном счете по приказу Ивана IV были казнены «за их жестосердие».

Следующее по времени упоминание о казанских уланах (огланах) относится к лету-осени 1551 г., когда они сопровождали в Москву малолетнего казанского хана Утямиш-Гирея и его мать ханшу Сююн-бике. Это были два сына оглана Кучака и сын оглана Ак-Мухаммеда [ПСРЛ, 2000. Т. 13. С. 167–168; Зайцев, 2013]. Сын Ак-Мухаммеда проживал в России до 1572 г., когда его отпустили к отцу, являвшемуся лидером казанской эмиграции в Крыму². Важно заметить, что сына Ак-Мухаммеда к этому времени уже крестили под именем Федора и титуловали князем. Это, пожалуй, единственный известный пример, когда представителя мусульманской знати, обращенного в православие, отпустили с Руси, не опасаясь того, что в Крыму он может вновь обратиться в ислам.

Еще одно свидетельство об улане, находившемся в пределах Московской Руси, зафиксировано в мавзолее касимовского и казанского царя Шах-Али б. Шейх-Аулиара. В середине XIX в. в этом мавзолее было обнаружено надгробие дочери улана Чура-Мухаммеда Хан-Пупай-бикем. В. В. Вельяминов-Зернов сделал предположение, что надгробие первоначально находилось за пределами царской усыпальницы и было перенесено сюда уже значительно позже [1863. С. 535–536; 1864. С. 6–16]. Иная информация об этом улане отсутствует.

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 62 – 62 об., 341 – 341 об.

Последний раз огланы / уланы в России отмечены в 1593 г. Один из них, Тохтар улан, входил в состав дворов крымских царевичей Гиреев, находившихся в России в изгнании – Мурад-Гирея и, возможно, его брата Саадет-Гирея, детей хана Мухаммед-Гирея II [Беляков, 2011а. С. 57–60, 212–216; Беляков, Виноградов, 2013]. После смерти царевичей и отпуска их жены, царицы Ертуган³ осенью 1593 г. в Крым, оглана оставили в России, он содержался во Владимире (в тюрьме?)⁴. Другой улан, Магмет-Али, также являлся членом двора упомянутых Гиреев. Он и его жена Авни-салтан были отпущены с Руси в Крым вместе с царевной Ертуган⁵.

Следует отметить, что на рубеже XV–XVI вв. огланы активно перемещались между Казанью, Астраханью, Бахчисараем, Москвой и Литвой [Сб. РИО, 1884. Т. 41. С. 323]. Некоторые из них, скорее всего большеордынские, попадали в русский плен и, судя по документам, зачислялись на службу, превращаясь в служилых иноземцев. Однако в это время они относительно легко могли покинуть пределы Руси. Особенно активными были перемещения между Москвой и Бахчисараем. Скорее всего этому способствовал тот факт, что в Касимове в конце XV – начале XVI в. проживали крымские изгнанники – царь Нур-Даулет и его дети, царевичи Сатылган и Джанай, которые могли являться центром притяжения для части фрондирующей крымской знати. При этом, что вызывает особый интерес, огланы часто являлись крымскими послами в Россию [Сб. РИО, 1884. Т. 41. С. 17, 24, 58, 62, 65]. В статусе послов огланы отмечаются до середины XVI в. [Сб. РИО, 1887. Т. 59. С. 435]. В иные страны, в частности в Швецию, огланы посылались еще и в XVII в.

Изначально «титул» оглан свидетельствовал о принадлежности его обладателя к Чингисидам: огланами именовали всех пред-

ставителей «золотого рода» из династий Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов, не являвшихся правителями-ханами. В XV в. в этом значении «титул» оглан был вытеснен «титулом» султан, а огланами стали звать представителей тюрко-монгольской знати, занимавших по своему статусу промежуточное положение между султанами и не-чингисидами. Скорее всего, к огланам были отнесены представители тех ветвей рода Чингисхана, которые не обладали освященным традицией правом на ханский трон в том или ином регионе Дешт-и-Кипчака.

М. Г. Сафаргалиев полагал, что огланы – это царевичи, по своему статусу напоминающие русских князей-изгоев. Их предки, хотя и принадлежали к потомкам Джучи, давно потеряли права на престол (или, скорее, возможность его занять) [1996. С. 365]. Однако известны примеры, когда ханами становились именно огланы. Так, отцом Улуг-Мухаммеда, основателя Казанского ханства, являлся Хасан-оглан [Исхаков, 2002]. Другое дело, что некоторые Чингисиды по неизвестным нам причинам отказывались от подобной ответственности, предпочитая находиться рядом с троном и оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику иными способами. В качестве примера можно привести Кучак-оглана, фактически возглавлявшего казанское правительство при ханше Сююн-бике. Д. М. Исхаков отмечает, что в Крыму огланы командовали собственными военными отрядами [1998 С. 192]. Некоторые исследователи видят в крымских уланах / огланах только «высокопоставленных дворян, отвечавших за управление ханством» [Бенигсен, Лемерсье-Керкеже, 2009. С. 78]. По мнению В. В. Трепавлова, огланы во второй половине XV – первой половине XVI в. являлись представителями дома Джучи, не принадлежавшими к семье правящего хана, мужчины же правящего дома титуловались султанами [2010. С. 32]. Последняя трактовка, по нашему мнению, ближе всего к истине. Но здесь опять-таки требуются некоторые уточнения. В частности, в Крыму в рассматриваемое нами время среди знати, не принадлежавшей к правящему роду Гиреев, встречались обладатели как титула царевич, так и «титула» оглан. Да и в более ранний период русские источники по неизвестным ныне критериям различали их. Так, в 1403 г.

³ Ертуган первоначально была женой Саадет-Гирея. Однако после смерти мужа весной 1588 г. под Астраханью по праву левирата вышла за младшего брата своего первого супруга, царевича Мурад-Гирея. Второй муж также умер, предположительно от пищевого отравления, в Астрахани в 1591 г. После этого Ертуган унаследовала дворы своих прежних мужей. На жительство ее отправили в Нижний Новгород.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 20. Л. 88 об.

⁵ Там же. Л. 88, 219 об. – 222.

в Москву из Орды прибыл посол царевич Ентяк, а в 1432 г. – Мансыр [Селезнев, 2013, С. 237, 248; ПСРЛ, 2000. Т. 20, С. 219, 238]. Перед нами либо пример неустойчивого применения титулатуры оглан – царевич, либо же у данных терминов имелись определенные нюансы в их применении, ускользающие от нас. То, что для современников XV в. было само собой разумеющимся, для нас остается загадкой. В итоге приходится констатировать, что пока невозможно точно и бесспорно определить положение, статус и функциональную роль огланов в структуре тюркской элиты.

Основной массив первичной информации об огланах содержится в ранней русско-крымской посольской документации. При этом на рубеже XV–XVI вв. они, в отличие от более позднего периода, предстают перед нами как некая действенная политическая и военная сила. Огланы постоянно фигурируют в требованиях крымских ханов к московским великим князьям о присылке поминок их ближайшему окружению [Сб. РИО, 1895. Т. 95, С. 33, 389, 522, 609, 636, 642 и др.]. У них имелись собственные, по-видимому, крупные военные отряды, или же они возглавляли таковые по поручению крымских ханов в ходе военных действий [Там же. С. 41–42; Т. 41. С. 322–323]. Более того, отмечаются элементы их внутренней самоорганизации. Так, некий Девлет улан назван тестем и калгой Мамышека улана [Сб. РИО. Т. 95. С. 299]. Среди источников содержания огланов единожды отмечен некий «малой ясак», передававшийся по наследству [Сб. РИО, 1884. Т. 41. С. 545]. В отдельных случаях они селились в городах, подчинявшихся непосредственно турецкому султану и служили ему. Известно, в частности, что в 1519 г. Василий III послал грамоту Дербулат улану Азовскому [Сб. РИО, 1895. Т. 95. С. 628–629].

Возникают определенные параллели между ролью огланов в Крыму на рубеже XV–XVI вв. и ролью крещеных Чингисидов в России в правление Василия III. В Крыму, судя по сведениям сохранившихся источников, из огланов стремились создать некий буфер между ханской семьей и родовой знатью. Точно так же в Москве крещеные Чингисиды встали между семьей великого князя Московского и боярством. Возможно, подобная идея была позаимствована великим князем у крымского хана. На Руси она ока-

залась неосуществимой вследствие пресечения новых родов князей-царевичей [Беляков, 2011б]. Не удалось воплотить ее в жизнь и в Крыму. Причину этого следует скорее всего искать в бурных и сложных перипетиях борьбы за крымский трон. Можно предположить, что в Крыму происходило постепенное умаление значения огланов, так как шло измельчение и обеднение многих знатных татарских родов. Возраставшее с каждым новым поколением число наследников вынуждено было довольствоваться когда-то пожалованным источником доходов.

Отмечено присутствие огланов на рубеже XV–XVI вв. и в Касимове. Но последние в России никогда не именовались царевичами, хотя и пользовались почетом. Можно предположить, что в XV – первой половине XVI в. касимовских огланов было много. Но по именам мы знаем далеко не всех. При этом они имели самое прямое отношение к касимовским Чингисидам. Почти исключительно в XV – первой половине XVI в. огланы фиксируются в той или иной связи, в первую очередь военной, с касимовскими (городецкими) царями и царевичами. Известно также, что московские князья использовали их в войнах против Большой Орды, Литвы и, возможно, Казани. Однако нет никаких известий об источниках их доходов в России. Можно только предположить, что в случае проживания в Касимове, в составе дворов местных Чингисидов, касимовские огланы содержались на средства, выделяемые местным царям и царевичам. Согласно дошедшим до нас сведениям, положение этих огланов более всего схоже с положением крымского выходца из мангытов мирзы Канбары б. Мамай б. Мансура б. Эдиге, неоднократно возглавлявшего касимовских (городецких) татар в военных походах [Беляков, 2011а. С. 183–184]. Однако по статусу представителей «золотого рода» огланы все же были выше любого мангыта.

По-видимому, огланы оставили свой след в касимовской топонимике. Непосредственно к Касимову примыкает с. Уланова Гора. Сразу за селом располагалось обширное татарское кладбище [Гордлевский, 1927. С. 29]. Оно имеет интересную особенность: находится за городом и значительно возвышается над ним. Это самое высокое место в округе. Нечто подобное можно наблюдать на городище Старая Рязань. Здесь и сейчас лю-

дей хоронят на высоком мысу, возвышающемся над церковью, находящейся у его подножья. Можно предположить, что это было сделано из-за желания оказаться ближе к богу. Подобная практика встречалась у монголов в добуддийский период. На настоящий момент мы не знаем наверняка, был ли у с. Уланова Гора похоронен кто-либо из касимовских уланов / огланов конца XV – первой половины XVI в. Однако название топонима явно не случайно и указывает на присутствие огланов в Касимове. Следует сказать, что с середины XVI в. этот город рассматривался представителями «золотого рода» на Руси как место сосредоточения родовых гробниц [Беляков, 2011а. С. 148–159]. Однако этот процесс, возможно, начался несколько раньше и первоначально был связан с огланами.

Возвращаясь к статусу огланов в России, следует отметить, что он не был постоянным. Вначале их статус немногим уступал положению служилых Чингисидов. В частности, как первым, так и вторым во время участия в военных действиях был положен особый пристав из числа членов двора великого князя московского. С одной стороны, он должен был осуществлять общий надзор за представителем «золотого рода» и его военным отрядом, а с другой – в его обязанности входило обеспечение их всем необходимым. Помимо прочего наличие пристава подчеркивало особое положение человека, при котором он находился. Главное отличие огланов от Чингисидов заметно в отсутствии практики пожалования огланам в кормление городов. К тому же мы можем только догадываться о том, как юридически оформлялось нахождение огланов в русских землях и как функционировало их право отъезда. Нам неизвестны крепкие грамоты, выдаваемые огланам, и выдавались ли они им вообще [Хорошкевич, 2001. С. 275–296]. Скорее всего они пользовались более свободным правом отъезда по сравнению с мусульманами более низкого ранга. Как раз это и могло привлекать их в Россию.

В ряде случаев, когда огланы выполняли посольские функции от имени крымского хана, возникали определенные этикетные коллизии. Являясь Чингисидами, они по своему статусу на рубеже XV–XVI вв. формально были выше любого Калитича. В настоящее время нам трудно представить, как могла проходить подобная встреча великого

князя с послом в Московском Кремле, и как оценивал московский великий князь присылку подобных послов.

Во второй половине XVI в. об особом статусе огланов, по-видимому, продолжали помнить. Косвенно об этом может служить насильственное задержание в России (на положении заложника?) Тохтар улана. Однако в дальнейшем их статус явно понижается. Это заметно уже по тому, что они упоминаются только в составе дворов выездных Гиреев, а не отдельно, как те же крымские мирзы Кулюковы и Яшлавские (Сулешевы). Да и в Крыму об их возвращении никто не хлопотал.

Подытоживая, мы можем высказать мнение, что причину появления огланов / уланов как особой социальной группы следует видеть в победе в государствах – наследниках Золотой Орды – династического (семейного) принципа передачи власти над родовым. Данный процесс начался еще в XIV в. и к концу XV в. завершился. Продвижение России на Восток постепенно сокращало возможности выбора огланами места жительства. На какое-то время Крым стал наиболее предпочтительным местом. Московская же Русь из-за постепенного ужесточения контроля над служилыми иноземцами восточного происхождения и ограничения права отъезда не могла стать конкурентной альтернативой. Но эти наши наблюдения являются пока предварительными, и социальный институт огланов XV–XVI вв. еще ждет своего специального развернутого исследования.

Список литературы и источников

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань-Мир, 2011а. 512 с.

Беляков А. В. Крещение Чингисидов в России // Российская история. 2011б. № 1. С. 107–115.

Беляков А. В., Виноградов А. В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюрских народов и государств. М., 2013. С. 11–59.

Бенигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш. Крымское ханство в начале XVI века: от монгольской традиции к османскому сюзеренитету по неопубликованным документам из Ос-

манского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. ст. Казань, 2009. С. 68–85.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1863. Ч. 1. 558 с.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 498 с.

Гордлевский В. А. Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд) // Тр. Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1927. Вып. 10. 35 с.

Зайцев И. В. Судьба аристократа. Ак-Мухаммад оглан и сын его Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 146–157.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

Исхаков Д. М. О родословной Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 63–74.

Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 20–30.

Озова Ф. А. К вопросу о союзах Ивана Грозного с князьями Черкесии // Российская история. 2011. № 6. С. 73–86.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 360 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей (Никоновская летопись). М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей (История о Казанском царстве). М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 19. 328 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей (Львовская летопись). М.: Языки русской культуры, 2005. Т. 20. 704 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Ин-т истории СССР АН, 1977а. Т. 1, ч. 1. С. 1–188.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Ин-т истории СССР АН, 1977б. Т. 1, ч. 2. С. 189–406.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 280–526.

Сб. РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко., 1884. Т. 41. 631 с.

Сб. РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко., 1887. Т. 59. 630 с.

Сб. РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Т-во С. П. Яковлева, 1895. Т. 95. 786 с.

Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2013. 472 с.

Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 320–353.

Трепавлов В. В. Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.

Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.

Материал поступил в редколлегия 06.02.2014

A. V. Belyakov

OGLANS (UHLANS) IN RUSSIA OF THE LATTER HALF OF XV UNTIL XVI CENTURIES: STATUS CHANGE

The article is the author's first attempt to describe the status of oglans (uhlans) and its change in Russia of the latter half of XV until XVII centuries. According to distributed data 18 oglans were identified in the given period: 17 males and one oglan's daughter. Most of them were connected to the town of Kassimov and service class descents of Genghis Khan. The conclusion was made that they are to be referred to as descents from Genghis Khan. Supposedly, they could descend from the branches who couldn't claim the throne in Desht-i-Qipchaq of the stated period, which can be explained by the dominance of the dynastic hereditary succession over the family one. Gradual decline of oglans took place in both, Moscow and Crimea. Though initially their status was close to the one of service class Tatar tsareviches, in the end of XVI century they were mentioned only as representatives of migrant descents' from Genghis Khan courts. Nevertheless, their high status was recognized.

Keywords: descents from Genghis Khan, oglans, Russia in XV–XVI centuries, Crimea, Kazan, Kassimov, service class Tatars.